

РАССКАЖИ СВОЮ ИСТОРИЮ

Обзорное эссе о понимании христианского нарратива, роли утопизма в нем и о задачах учителей церкви

Аннотация. Человек живет в контексте особых «историй», нарративов. Христианство исповедует один основной библейский нарратив и целый ряд различных суб-нарративов. Тенденция создавать нарративы характеризует человека вообще и его отдельно взятых лидеров в частности. Нарративы включают в себя детали и мотивы литературных жанров утопии и антиутопии. Чтобы не подпасть незаметно под влияние малополезных или вредных элементов из сомнительных или враждебных нарративов, так или иначе формирующих сознание и поведение христиан, им, и в особенности церковным служителям, стоит быть сведущими и разборчивыми в этом вопросе. Определение «нашего нарратива» (так же, как например, в других дискурсивных контекстах, «нашей традиции» или «нашей идеологии») необходимо для сохранения и укрепления христианской идентичности и призвания. В статье приводится краткий и относительно широкий обзор и анализ поставленной темы на популярном уровне. Нарративное восприятие веры, идентичности, богословия и практики рассматривается в связи с вопросами эсхатологии, миссии и актуальности настоящего в свете прошлого и будущего.

Ключевые слова: *нарратив, утопия, антиутопия, духовное формирование, настоящее, eschatology, ответственность учителей церкви.*

Abstract: Individuals and groups live, whether consciously or not, in specific stories, or “narratives.” Christianity professes one main biblical narrative and a variety of sub-narratives. The tendency to create narratives characterizes humanity in general and its leaders in particular. Narratives normally include details and motifs of such literary genres as utopia and anti-utopia. Christians should be able to discern the differences between the better, likely mistaken, and false narratives in order to avoid the influence from the elements of the less useful or plainly wrong narratives that seek to shape our consciousness and behavior. Church leaders and teachers should especially be trained in this area. A good definition of “our narrative” (similar to what is in other discursive contexts called “our ideology” or “our tradition”) is highly desirable for the purpose of the keeping and strengthening of our Christian identity and call. This essay offers a brief and yet relatively wide review and analysis of the stated topic on a more popular level of language. A narrative conceptualization of faith, identity, theology and practice is juxtaposed here with the questions of eschatology, mission, and the actuality of the present in the light of both the past and the present.

Keywords: *narrative, utopia, anti-utopia, spiritual formation, the present, eschatology, responsibility of church teachers.*

Владимир Лебедев, (BA, VTh, соискатель PhD), служение в миссии Leadership Resources Intl, пастор, преподаватель богословских дисциплин, женат, трое детей (Чикаго, США).

“Бог же всякой благодати, призвавший нас в вечную славу Свою во Христе Иисусе, Сам, по кратковременном страдании вашем, да совершит вас, да утвердит, да укрепит, да соделает непоколебимыми” (1 Петра 5:10).

“Наше собственное существование не может быть отделено от описания, которое мы можем дать о себе. Именно в пересказах наших историй мы определяем нашу идентичность”. (Paul Ricour, “History Narrative and Practice”).

*“...если все вопросы о будущем опираются на личности и истории Иисуса Христа ... это позволяет нам отличить дух эсхатологии от духа утопии.”
 (Jürgen Moltmann, Theology of Hope)*

“Мы никогда не задерживаемся в настоящем. Мы вспоминаем прошлое; мы предвкушаем будущее, словно хотим поторопить его слишком медленный шаг ... Мы так неосмотрительны, что блуждаем по недоступным нам временам и вовсе не думаем о том единственном времени, которое нам принадлежит; так легкомысленны, что мечтаем только о воображаемых временах и без рассуждений бежим от единственного существующего в действительности.” (Блэз Паскаль)

ВВЕДЕНИЕ

◆ В данном эссе мы затронем вопрос о «нарративе», т. е. истории или повествовании, формирующего христианское сознание, веру и поведение, и роли в нем утопического воображения. Нарратив — понятие новое и непривычное для многих церковнослужителей, однако с ним стоит по-настоящему познакомиться. Причины для этого знакомства, духовная польза от него и, безусловно, ряд необходимых определений и рассуждений будут изложены ниже в данном эссе. В конце концов, любой христиан исповедует истины, подобранные для него библейскими авторами и другими духовными авторитетами, и пересказывает сам себе и для других ключевые события и истории о личностях-основателях христианства и его традиций. Это, в общих чертах, и является жизнью в нарративе, реальному участию в нем (или в них). И также как человек уже дышит воздухом, не зная о нем многого, но при этом ему было бы полезно знать, что следует отойти подальше от загрязняющих воздух выхлопов или приобрести воздухоочиститель для своего дома, христианину, а тем более церковному учителю и проповеднику, стоит задаться вопросом о качестве нарратива, которым «дышит», то есть в котором живет, он и его церковь.

Далее, хотим мы того или нет, но определенное место в христианском нарративе занимают элементы из окружающей культурной и творческой деятельности. К таким элементам является утопическое мышление и его производное антиутопия. Опять же, многие христиане и даже церковнослужители слабо знакомы с этими явлениями в литературе и мировоззрениях, хотя неосознанно они сталкиваются с ними регулярно. И также как равнодушные покупатели проверяют наличие желательных или вредных ингредиентов в описаниях приобретаемых товаров, верующим тоже следует знать о полезных или нездоровых составляющих их вероисповедания.

Понимание самого факта присутствия в нашем мыслительном мире нарративных, утопических и иных родственных им компонентов, краткое осмысление их и побуждение к дальнейшему их критическому разбору, усвоение их пользы или отсутствия таковой, и относится к целям данного эссе. Зрелое понимание этих вопросов призвано не только углубить проповедуемые в церкви истины и саму весть Священного Писания, но и улучшить взаимодействие с окружающим миром, который, по своим причинам, создает свои нарративы, утопии и антиутопии. Понимание этих вопросов также имеет прямое отношение к толкованию Библии, духовному росту верующих, миссии и другим важным аспектам христианской веры и практики.

Личность, слишком известная, чтобы ее называть, считала, что идеи, овладевая массами, могут стать материальной силой. Перефразируя это справедливое высказывание для наших целей, скажем, что сила рассказа, правильно поданная и направленная, весьма велика и обладает способностью формировать идентичность, сознание и действия. Например, история, как считается, пишется победителями и ради их утверждения. Такая история призвана формировать общественное мнение, гордость нации, патриотизм, и тому подобное. «Нарратив» (в разных сферах жизни и сообществах) означает отстроенный ряд избранных событий, персонажей и поучений, объединяющий и делающий понятными значения, и способный формировать сообщество и целую культуру.^[1] Люди по-настоящему живут историческими, культурными и общественными нарративами, в историях, которые им рассказали или они сами рассказывают о себе. Самовосприятие людей связано со сказками, мифами, преданиями и летописями. Их идентичность и самоощущение базируется на коллективной памяти прошлого и на мечтах о будущем.

В Ев. от Луки, глава 24, описано, как Иисус, базируясь на еврейских священных писаниях, пересказал ученикам историю о грядущем мессии (ст. 25-27, 45-46). Ученики достаточно хорошо знали эти писания, но, как оказалось, ошибочно их (впрочем и не только их) толковали (ст. 21). Изъяснение же писаний Иисусом, когда он выстроил элементы истории иначе, чем было принято среди иудеев того времени, и таким образом предложил иной нарратив, вызвало у учеников восторг: «Не горело ли сердце наше...!» (ст. 32). Несмотря на состоявшуюся коррекцию в толковании, у Иисуса и учеников было одно религиозное наследие.

В политике и литературе нарративы превращаются в программы по устройству общества и литературные жанры. К последним относятся такие как утопия и антиутопия. Утопия – это воображение идеального

^[1] Это простое определение достаточно для нашего рассуждения, не сосредоточенного на нарративе как сложном жанровом конструкте. Желаящие вникнуть в суть вопроса могут обратиться, например, к следующим исследованиям: В. А. Андреева, *Литературный нарратив: зона формирования смыслов* (Казань: Бук, 2019), стр. 42-135; А. В. Арапов, «Нарративные подходы к библейской герменевтике» (*Вестник ВГУ*, 2019).

мира, полного счастья и свободного от проблем, творимых человечеством самому себе. И как правило оптимистические образы противоположны существующей реальностью. Антиутопии – это фантазии о мрачных результатах утопических устремлений, о тотальном контроле сильных мира сего и их обезчеловечивании подчиненным им масс.^[2] И если кто-то из христиан спросит, какое отношение это имеет к вере, скажем, что элементы этих жанров вполне ожидаемо вошли и в нарративы, отражающие библейские темы и разделы христианского вероисповедания, в богословские обсуждения. Мы их исповедуем, часто некритически, и их сложные сплетения и сюжеты вполне могут нас формировать.

Итак, немного подробнее о намерениях и задачах в данном эссе. Мы обсудим в общих чертах роль нарративов в жизни обществ, и, в частности, в жизнь церкви и отдельного христианина. (Данное ознакомление будет неизбежно обусловлено опытом жизни автора). Утопиям и антиутопиям, литературным жанрам, обретших особую популярность в последнее столетие, и присутствию их элементов в христианском нарративе будет уделено определенное внимание. И не страшно, что лишь немногие христиане знакомы с этими жанрами. Нужно отдавать отчет в том, что в христианских академических и популярных дискуссиях присутствует немало соответствующих элементов, и немного аналитики в этом вопросе не помешает точно. Мы рассмотрим варианты нарративов, которыми живут верующие, порой даже не осознавая этого. Мы коснемся вопроса о присутствии элементов утопии в этих нарративах. Попытки понять эсхатологию – будь то персональную или вселенскую (глобальную, космическую), и как с библейской, так и с философской точек зрения – продуцируют различные нарративы. То же можно сказать и о попытках истолковать библейскую тему «Царства Божьего/небесного». А это влияет на такие сферы жизни церкви и христианина, как личная вера, этика (как осмысление морали), миссия и другие взаимоотношения с обществом. Этот процесс не должен оставаться в церковной жизни поверхностным и несознательным, а потому мы также коснемся задач, стоящих перед церковными учителями. И пусть не все вопросы будут обсуждены в достаточной мере, вектор осмысления их все же будет здесь предложен.

Люди живут нарративами

- 82 ◆ Э. Визель начинает одну из своих книг притчей, которая завершается совсем нетривиальным выводом: «Бог создал человека, потому что Он любит истории». А герой его повести приходит – базируясь на ожидании из прошлого и надежд на будущее – к такому экзистенциальному убеж-

^[2] Забегая вперед, здесь можно привести в пример ряд известных антиутопий: У. Хаксли, *О дивный новый мир*, Дж. Оруэлл, *1984*, Е. Замятин, *Мы*, Стругацкие, *Обитаемый остров*, Р. Брэдбери, *451 по Фаренгейту*. М. А. Черняк говорит о «законах общества идеальной несвободы», которую чувствует на себе главный герой антиутопии («Страхи будущего в современных антиутопиях», *Universum* (2006): 54).

дению: «Мы будем честными, смиренными и сильными, и тогда он [Мессия] придет, будет приходить каждый день. ... Мессия не один человек, ... он — все люди».^[3] Читатель этой книги, разумеется, может соглашаться или не соглашаться с конкретным высказыванием персонажа истории, но оно хорошо иллюстрирует то, что прошлое и будущее (в данном случае, история Израиля и Бога, и мессианских ожиданий) участвует в определении содержания веры и образа жизни в настоящем. Крайне важный вывод, если говорить о полезности нарратива.

Но это лишь с одной точки зрения. С другой же, многое происходит и наоборот. Надежды и страхи, испытываемые людьми в настоящем, вкупе с их творчеством и воображением, влияют на понимание прошлого и формирование будущего. Уже ставшая знаменитой цитата из комментария В. Маканина к его же повести «Лаз» описывает взаимопроникновение времен так: «В каком-то смысле это, может быть, страхи будущего, но это — настоящее в конденсированной форме. Это настоящее. Это не ужас, а реальность. Так увиденная реальность».^[4] Брэд Полак, в его философии будущего, которое он необходимо рассматривает в динамическом взаимодействии с настоящим, рассматривает социальные изменения (т.е. развитие, прогресс) как процесс «толкай-тяни», в котором «общество одновременно притягивается созданными самим собой магнетическими образами идеализированного будущего и подталкивается сзади уже прожитым прошлым».^[5] Человек, таким образом, не желая повторения негативного прошлого, способен классифицировать текущую реальность, стремится переделать его порядок в свете желаемого будущего, и оказывается живущим в двух мирах — в настоящем и в воображаемом.^[6] В этом случае нарратив прошлого формулируется, а нарратив будущего создается. И неотъемлемой его частью являются утопические мечты.

Осознанно или нет, но каждый человек живет в окружении вышеперечисленных (как и многих других) культурных явлений, литературных жанров, социальных, политических и других и научных теорий. Ценную мысль высказал Поль Рикер: «Мы узнаем себя в историях, которые рассказываем о себе. Второстепенно то, правдива история или подложна; как вымысел, так и подтвержденная фактами история сообщают нам нашу идентичность».^[7] К несчастью, такой же результат часто гарантирован и тогда, когда ложная история о нас навязываются нам извне — тиранами, шарлатанами, и им подобными. Дефицит осознания этих факторов, формирующих идентичность и поведение человека, групп людей и даже целого сообщества, ведет к уязвимости людских судеб и трагичности в них. Так, человек, одержимый идеей, в которой он целенаправленно кем-то воспи-

^[3] «Ворота леса» (1986), н.д.

^[4] См. цитату из комментария Маканина в его интервью по книге «Лаз» у М. А. Черняк, 64 (без указания первоисточника).

^[5] Brad Polak, *Images of the Future* (Elsevier Scientific Publishing, 1973), стр. 1, 4.

^[6] Там же.

^[7] Paul Ricoeur, "History as Narrative and Practice," *Philosophy Today* 29:3 (1985), 214.

тывался, становится террористом, губящим себя и других людей. При чем для одних наблюдателей или участников событий такой человек является героем или святым, а для других — фанатиком и врагом. Кто-то умирает за право ценить карикатуры, оскорбляющие религиозные чувства других людей, а кто-то берет на себя право казнить таковых. Многие люди становятся жертвами обмана и собственной легковёрности, некритично принимая за правду истории, ловко подsunутыми им тиранами, политиками и мошенниками.^[8] Массы людей увлечены историями (читай, нарративами) о превосходстве демократии, прав человека и свободы слова, толерантности, разнообразия (diversity), не догадываясь, что большая часть происходящего с ними является манипуляцией их сознанием. Даже дешевые женские романы и детективы формируют лишь поверхностное и искаженное мировосприятие и растворяют критерии для принятия жизненных решений. И, в конце концов, «теории заговора», захватывающие внимание многих людей, не такой уж никчемный вопрос.

В других случаях, мыслящие и пассионарные люди изучают историю, события и традиции, чтобы создать формирующий нарратив, который повлияет на других членов сообщества. Цели такого влияния бывают диаметрально противоположными. К ним может относиться, например, (банальная) власть,^[9] националистические идеи, идеализация революций, реваншизм, место в истории, геополитический и религиозный миссионализм, вопрос о правах человека, экология, социальное служение, евангелизация, призывы оппонентов к диалогу, и так далее.

Христиан, слабо посвященный в подобный род осмысления действительности, может вообще удивиться тому, что он тоже живет и поступает согласно того или иного унаследованного утопического ожидания или некоего нарратива. Но что именно мы испытываем на себе, когда принимаем вечерю Господню или водное крещение, празднуем Пасху (в сотый раз напоминая себе о воскресении Христовом), или поем песню «Мой в небе край родной», если не погружение в евангельский нарратив? То же самое случается, когда мы подпадаем по воздействию другого нарратива. Но какой-то из них должен стать доминирующим.

* * *

«Если вы хотите, чтобы весть проникла в человеческий разум, подайте ее в форме истории».^[10] В рамках обсуждения религии, и не только, нарратив — это история, охватывающая большие пласты времени, в котором произошли важные события и возникли авторитетные личности, которые на эпохи вперед определяют идентичность народов и человека, а также

^[8] Noam Chomsky, *Necessary Illusions* (Toronto, Anansi, 2013).

^[9] «Цель власти — власть ... Мы — жрецы власти ... Бог — это власть ... Власть — это власть над людьми, над телом, но самое главное — над разумом» (Дж. Оруэлл, 1984 (М.: АСТ, 2014), н.д.).

^[10] J. Gottschall. *The Storytelling Animal: How Stories Make Us Human* (Boston, 2012), н.д.

придающие смыслы истории. Нарратив облакает значениями течение времени, организуя его в структурированное целое.^[11] Мудрецы, философы, идеологи и политики пересказывают события, присовокупляя к ним толкования и применяя к текущей жизни человека и сообщества.

Очевидно, что слово «нарратив» непривычно для большинства людей и для русскоговорящих верующих, в частности. Можно было бы не принимать его во внимание, если бы не его полезность. Мы рассказываем истории о Христе, патриархах Израиля и Апостолах, о героях веры и наставниках из прошлого. Мы также представляем себе эсхатологическое будущее, читая Новый Завет, и дискутируем о ходе событий, которые (предположительно) ведут к нему. И при всем этом мы лишь слабо осознаем, что мы участвуем в нарративе. Однако сознательное отношение к нашему нарративу, повторю, имеет огромную пользу для роста веры и развития характера.

Нарратив – слово латинского и довольно специфического (юридического) происхождения. Оно подразумевало своеобразный рассказ, перечисление фактов, которое позволяло представить человека (в частности, на судебном рассмотрении) в наилучшем свете, оправдать его, и т. п. В более широком применении это не всякий рассказ, повествование или история, вспомнившийся случайно, а тот, что формируется избирательно, целенаправленно.^[12] Он может представляться человеку и небольшой группе людей с определенной ближайшей целью (скажем, выживание или спецзадание), а может передается намеренно из поколения в поколения с целью их морального или идеологического формирования.

Но можно ли предложить, в особенности не книжным верующим, другое понятие или термин, который будет им более привычен? Многими (в христианстве, но и не только) используется благозвучная фраза «священная история». Она, однако, может использоваться лишь ограниченно в силу того, что она обозначает скорее обобщение содержания Священных Писаний. А это не то, что мы имеем в виду под словом «нарратив», которое обозначает особо составленную историю, с четко обозначенными запоминающимися акцентами. Это тот случай, когда важно запомнить не столько все Священное Писание (если бы это было возможно для кого-то), сколько его главные структурные и определяющие веру моменты. Христианские Символы веры, догматически перечисляющие объекты нашего упования, могут служить примером, но лишь отчасти. По словам Поля Рикера, «прежде чем библейская вера была выражена

^[11] Elana Gomel and Vered Karti Shemtov, “A Sense of No Ending: Contemporary Literature and the Refusal to Write the Future Introduction,” *Dibur* 6 (2018), 43.

^[12] К. Смит поясняет: «Нарратив – это нечто большее, чем хроника... Нарратив стремится передать важность и значение событий, показывая их взаимодействие с другими событиями или действиями в едином описании. Потому нарратив всегда преследует некий ключевой пункт и объяснение значений событий и действий в человеческой истории...» (Christian Smith, *Moral, Believing Animals: Human Personhood and Culture* [Oxford, 2003], 68).

в догмах или абстрактных постулатах о Боге, она получила выражение в [библейских] историях...».^[13]

Другой и более подходящий вариант — это слово, использованное евангелистом Лукой во вводной части его труда — «повествование» (греч. διήγησις; 1:1). Как говорит Лука, многие «предприняли попытки составить повествование (или описание (IBS), рассказ (РБО), отчет, сообщение)» о событиях, связанных с Христом. Само слово и контекст вступления указывают на упорядоченность и целенаправленность «повествования»: из большего числа известных событий были выбраны Лукой лишь некоторые, а целью сочинения было убеждение Феофила в исторической обоснованности преподанного ему «слова», т. е. учения о Христе (1:4). Это «повествование» было составлено с предельным возможным соответствием реальным событиям. Целью было не ознакомление читателя со случайными историческими эпизодами, но представление читателю главного героя повествования, Иисуса Христа, в наилучшем свете, как объекта познания, веры и послушания.

Мы безусловно можем использовать слово «повествование» вкуче с квалифицирующими прилагательными, такими как «библейское», «евангельское», «христианское». Но главное, на мой взгляд, здесь то, чтобы христиане могли естественно и глубокомысленно называть это «повествование» просто «нашим». Христиане — участники жизни как истории, структуру которой задала нам Библия. Мы верим, как Авраам и как Павел (Римлянам, гл. 4). Мы подражаем апостолам, как и они подражают Христу (1 Кор. 4:16; Фил. 3:17). Мы, бывает, страдаем, как и приходилось и библейским авторам и героям. Мы повторяем судьбу самого Спасителя (чашу) и празднуем Его спасение во время Вечери. Христиане участвуют в судьбе Христа, верой умирая с ним для греха и оживая с ним для новой жизни (Римлянам, гл. 6). Пострадав, христиан будут прославлены, как был прославлен Иисус (Иоан. 17:22; Рим. 8:29-30; 1 Кор. 2:3; ср. Пс. 90:15). Я считаю нужным напоминать слушателям в проповедях, что ученики Иисуса (или, скажем, царь Давид) — это мы, а мы — это они. Мы совершаем ошибки подобные их ошибкам, и возрастаем в вере подобно им. Мы ни в коем случае не можем сакрализировать библейское повествование (нарратив) как нечто отдельное от остальной нашей жизни. Оно задает нам тон жизни. А мы его продолжатели.^[14]

86 Нарратив, в различных форматах дискуссий, понимается по-разному, как и его функция. Но, применительно к христианскому самосознанию, скажем, что в мире, где между собой воюют множество национальных, политических, идеологических, культурных и субкультурных нарративов, хри-

^[13] Ricoeur, “History,” 214.

^[14] К. Ванхузер предложил такое видение: подобно тому, как актеры являются участниками драмы и исполняют роли под дирекцией драматурга, мы исполняем роли, прописанные нам в сценарии драмы (читай, Св. Писание) библейской истории и нашей жизни (Kevin J. Vanhooser, *The Drama of Doctrine: A Canonical-Linguistic Approach to Christian Theology* [Louisville: WJK, 2005]).

стианам крайне важно осознать содержание и душеспасительное значение библейского нарратива, который им необходимо считать «их» нарративом. Дж. Струп обсуждает кризис христианской идентичности и предлагает своему читателю понять, что нарратив, по своей природе фокусируясь на человеческом опыте и характере персонажей, является «необходимым контекстом в котором задаются вопросы о христианской идентичности и о том, как христианская вера преобразует самопознание верующего».^[15]

В свете акцентов данного эссе, скажу, что нарративы, исходящие из Библии и двигающие христианские идеалы, должны глубоко осознаваться церковнослужителями и провозглашаться ими. Нисколько не преуменьшая важность призывов к личному обращению и праведному образу жизни, побуждений к морали в разнообразных жизненных ситуациях, ученичества, библейских консультаций и других видов наставлений в вере, все эти частности приобретают по-настоящему глубокий смысл именно в рамках нарратива. Но к этому непростому и сугубо практическому вопросу мы вернемся в заключении.

Утопия

◆ Не лишним будет напомнить, особенно для непосвященных читателей, что тема утопии является серьезным предметом исследования ученых в таких областях, как литература, культурология, антропология, философия, социология и политология, а также крайне популярной для любопытных читателей. Утопии являются, безусловно, еще одним типом нарратива или они проникают некоторыми своими элементами в другие нарративы, и христианские нарративы здесь не исключение.

Слово «утопия» означает «не-место», или, по словам Рикера, «где-то еще», «где-то там» или «другое место» (elsewhere), и указывает на некое прекрасное, но едва-ли существующее место. Сама история утопической мысли поучительна,^[16] в том числе и для христиан, и особенно для служителей и учителей церкви. Так, Платон («Государство») излагал видение государства и общества, основанных на справедливости, которое многие поколения спустя аналитики окрестили утопическим.^[17] Название эпох «золотой век», пришедшее из мифов и устоявшийся троп, тоже указывает на блаженное, если не место, то время и общество. В I или II в. до Р.Х. малоизвестный стоик Ямбул отметил мечтательным произведением о жизни в равенстве и свободе под названием «Острова солнца», выдержки

^[15] Stroup, *The Promise of Narrative Theology* (John Knox Press, 1981), 100-101.

^[16] Полезные обзоры по теме: А. Свентоховский, *История утопий от античности до конца XIX века* (URSS, 2012); Polak, *Images*, chapters 3-15.

^[17] Такие слова как «свобода», «счастье», «справедливость», «добродетель», «надежда» (и соответствующие пороки и несовершенства) обсуждаются Платоном в его чистой идее государства. Он также усматривает воспитательную силу историй (μῦθος) и того, что «следует сказать» (λεκτέος) в желаемом формировании граждан общества (в основном «охранников» и «философов-правителей»). См. напр., «Государство», II.376-377.

из которого приведены у историка Диодора Сицилийского (I в. до Р.Х.). Оно вероятно отразилось и на раннем христианском мировосприятии и эсхатологии.^[18] Оно же задало тон произведениям Томаса Мора («Утопия»; 1516) и Томмазо Компанеллы («Город солнца», 1602), Фрэнсиса Бэкон («Новая Атлантида», 1627) написанных в разных и интересных полемических контекстах.^[19] Многие могут вспомнить утопические мечты Томаса Мюнцера (в период ранней Реформации), навязывающие ангажированной толпе насильственную форму их достижения.^[20] Был также и условный период «секулярного миллениаризма», начиная с эпохи Просвещения, когда рационалисты воображали себе возвышенное состояние общества, достигнутое принципиально без Бога и религии, а лишь гением человека; и этот «миллениаризм», похоже терпит крушение^[21] и даже предваряет «дистопию» (антипод утопии, «плохое место»), а вовсе (словами Т. Мора) не «утопию» («хорошее место»). Мистер Пиви, в диалоге с главным персонажем сочинения Г. Уэллса «Люди как боги» мистером Барнстейплом, склонным к вере в прогресс, оппонировал ему так: «Вера в прогресс вот уже шесть лет как полностью устарела и что либерализму остается надеяться разве только на скорый приход какого-нибудь Судного Дня». Нельзя также упустить из внимания и марксизм, с его особым научно-социологическим ожиданием «нового мира» (построение бесклассового общества).^[22] Есть и богатая история русской и славянской утопической мысли, включая и старообрядческий путь в XVII веке и (негативно оцененные) экономические реформы министра А. П. Столыпин в начале 20 века.^[23]

Оскар Уайльд, популярный секулярный писатель, выпустил в свое время в свет статью «Душа человека в условиях социализма», где он заявил, что карта мира без такого места, как утопия, не имеет ценности, и что «прогресс – это реализация Утопий».^[24] Эти разнообразные примеры, которые,

^[18] Polak, 50–61.

^[19] См. напр., А. Э. Штекли, «Город солнца. Утопия и наука» (М: Наука, 1978).

^[20] Ф. Э. Мэньюэль и Фр. П. Мэньюэль. «Утопическое мышление в западном мире» в: Чаликова В. А. (сост.), *Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы*, М.: Прогресс, 1991. П. Рикер называл такие проявления опасными: «Утопия превращается в стремление к возможному. Из-за этого многие утописты могут стать опасными. Они заикливаются на непроверенной идее, плоде лишь их собственных мечтаний. Они даже неспособны обозначить первых шаг, который повел бы их к утопии» (“History,” 221).

^[21] David Nash, “The Failed and Postponed Millennium,” *JRH* 24 (2000): 70–86.

^[22] Само слово «утопия» Карл Маркс (как и Ф. Энгельс) использовал в большей степени негативно, критикуя другие взгляды. Краткий обзор Маркса и марксизма можно найти, например, в книге В. Рейпер и Л. Смит, *Путешествие по миру мысли* (Свет на Востоке, 2000), 104–108.

^[23] Юхименко, 106 (в Софроновой); Шестаков, *Эсхатология и утопия*; А. Герт <http://www.vestnik.com/issues/97/0429/win/gert.htm>

^[24] Oscar Wilde, “” <https://www.marxists.org/reference/archive/wilde-oscar/soul-man/>. Высказывания Уайльда были не всегда правильно поняты и ошибочные выводы по их поводу были пересмотрены М. Бемонтом (Matthew Beaumont, “Reinterpreting Oscar Wilde’s Concept of Utopia: ‘The Soul of Man Under Socialism’,” *Utopian Studies* 15.1 (2004), 13–29).

конечно, заслуживают большего внимания, чем простое упоминание, свидетельствуют о неумных стремлениях человека к лучшему миру самыми разными способами, в разных версиях (контрутопии) и по разным мотивациям.

И, конечно, как мы уже говорили выше, утопические мотивы совсем не чужды христианской мысли, базирующейся на библейских мотивах (и нарративах). Справедливости ради, стоит сказать, что христианское ожидание славного завершения истории можно определить как контрутопию, то есть альтернативу утопическим представлениям других авторов. Книга Откровение, главы 20-21, а также ветхозаветные пророки (Исаия, главы 11 и 65), говорит о прекрасном месте, исполненном мира и полноты существования, о «новом небе и земле». Христиане задушевно поют песни про «небесный Иерусалим» и «небеса», хотя порой, надо сказать, следует проводить различие между поэтикой песен и взвешенным богословием. В этом контексте в последние десятилетия среди христиан, имеющих отношение к славянской богословской традиции, не без помощи западного богословия, возникли и продолжают возникать вопросы о судьбе нашей земли и души умершего христианина, о «небесах», признаках наступления Пришествия Христа и Тысячелетнего Царства (как, например, учреждение государства Израиль и возвращение евреев в него в XX веке). Мы редко придаем по-настоящему заслуженное значение доктрине воскресения мертвых и ее соотношения с другими блаженными ожиданиями. Но об этом и других аспектах подробнее мы поговорим ниже.

Христианину интересно и важно уметь отмечать, как сходства между утопиями и христианской надеждой, которые достаточно поверхностные (место счастья, справедливости, утешения, и т. п.), так и имеющиеся различия. Вопрос также и в том, что нам как христианам делать с тем, что мы обнаружим. Утопии человеческого творчества различаются, например, на абстрактные и конкретные. Первая — эскапистского и трансцендентного характера, о том, как можно (если, конечно, можно) избежать текущей плохой реальности и найти идеальное место. Вторая, «конкретная», утопия — имманентна, т. е. обращена к миру и, как предполагается, должны изменить общество, мир и ход его событий.^[25] Христианство перенимало и перенимает обе такие модели. Многие верующие желают просто избежать земной юдоли, в то время как другие прилагают серьезные усилия для влияния на окружающую культуру и даже мечтают о созидании благостного будущего.

Еще одно отличие заключается в главном действующем лице (или лицах), в субъекте отношения к окружающей действительности. Утопии характерно человекоцентричны. Все осуществляется человеком и для человека. В христианском мировоззрении автором «нового неба и земли» является Бог, да и все, что делается, как считается, делается для Его славы. Но, по-

^[25] На эту тему рассуждали, в частности, на изломе XIX и XX веков, Оскар Уальд, Эрнст Блох. Полезный анализ предложил Beamont, "Reinterpreting," 24-25.

мимо, абстрактных, хотя и фундаментальных, догматов, какова все же роль человека и о каком реальном сотрудничестве нам можно и нужно говорить, в то время пока мы на пути к желаемому славному финалу?

Какова же христианская история, «наш нарратив», который сумеет правильно справиться с элементами утопического сознания человека, великодушно обойти острые углы разногласий, не компрометируя ключевые и неотъемлемые его положения?

Антиутопия

◆ Данный подраздел начну прозаически, с иллюстрации из одного произведения (антиутопии), о создании образов персонажей, которое непременно отражается на нашей жизни.

Христиане убеждают, что в башне, которая построена на месте Ватикана, есть лифты, курсирующие в Преисподнюю и обратно, а есть такие, что возят праведников прямо в рай. Я тут прижал одного проповедничка, спросил, зачем в такой безнадежной ситуации они продолжают оболванивать людей. Впаривать бессмертие души в нынешние времена — дело обреченно. Душой же давно никто не пользуется! Христианский рай, должно быть, такая же унылая дыра, как собор Святого Петра: народу никого, и повсюду слой пыли с палец толщиной. Тот затрепыхался, запищал что-то про образы для масс-маркета — мол, надо говорить с паствой на ее языке...^[26]

Известны кинофильмы, которые представляют религию и священников в искаженной и унижительной форме. Здесь я привел пример из антиутопии. Это намеренное создание прецедента, который накладывает отпечаток на отношение людей к церкви и священнослужителям. Это бросает вызов христианам. Изменить эту порочную практику мы не можем, но это заставляет нас думать о том, какой нарратив на самом деле исповедуем мы и какой образ христианина мы можем противопоставить подобным карикатурам.

Утопии и утопизмы остаются либо благостной фантазией, либо обрываются, чтобы дать место антиутопиям. «Утопия» Т. Мора завершается лишь *пожеланием* о тех переменах, что случились на фантастическом острове Утопия, лишенным *надежды* на их осуществление. В других примерах, представляется (чудовищная, надо сказать) отлаженная система репродукции человечества, как в повести У. Хаксли «Дивный новый мир», и или подмена понятий как у Оруэлла («1984»: мир — это война, и наоборот) или Рэя Бредбери (451), как, скажем, вот в таком эпизоде:

«*Правда ли, что когда-то, давно, пожарники тушили пожары, а не разжигали их?*» — «Нет. Дома всегда были несгораемыми. *Поверьте моему слову.*» — «Странно. Я слышала, что было время, когда дома

^[26] Дмитрий Глуховский. *Город будущего* (М.: АСТ, 2013), н.д.

загорались сами собой, от какой-нибудь неосторожности. И тогда пожарные были нужны, чтобы тушить огонь». Он рассмеялся... — «Вы совсем не задумываетесь над тем, что я спросила».

Разумеется, все в реальной жизни не должно происходить в соответствии с сюжетами литературных произведений. Не забудем, что нарративы лишь продлевают опыт жизни людей, фокусируя внимание на показательных элементах, снабжая их для эффектности художественным вымыслом. Но при этом структура в антиутопиях заимствована не иначе как из реальной жизни. Желаящий видеть, да увидит!

А теперь ближе к теме. Вернемся к словам Оскара Уайльда о том, что утопия — двигатель прогресса (см. выше). Это высказывание не было столь недвусмысленным, как может показаться, и если так, то нам стоит согласиться: не все так просто. Антиутопические сценарии не возникают без определенных аналогов из нашей истории. Когда-то в Риме и Греции создавались республики и демократии в надежде на некое совершенное общество. На смену республики, которая казалось удачной общественной конструкцией, пришли обожествляющие себя императоры, зачастую тираны, а афинская демократия, как показал в своем исследовании Джон Хеск,^[27] растлила в конечном счете себя изнутри закрепившейся в ней системой жульничества и трюкачества, что обличал тот же Платон. О последнем также, в ярком обличительном тоне и применительно к некоторым современным формам демократии, писал Ноам Хомский в книге с характерным названием «Необходимые иллюзии». Эпоха Просвещения и рывок в науке и технике почти незаметно сменились империализмом, колониализмом, тоталитаризмом и производством технологий, сеющих смерть. «Золотые века», как хорошо известно, регулярно заканчиваются упадком.

Образование и творчество не столько спасают мир, сколько создают продвинутые технологии, результат которых — вирусы, оружие массового уничтожения, трансгуманизм, техно-религии, и тому подобное.^[28] На эту тему есть множество исследований и спекуляций разного рода, с которым неплохо было бы ознакомиться, включая, скажем, книги футуристов Ю. Харари («Sapiense: краткая история человечества», «Homo Deus: краткая история завтрашнего дня» — о трансгуманизме) и Д. Ланье «Кому принадлежит будущее» (экономический сценарий мира). В общем и по сути вещей (и конечно же не так художественно и метафорично, как в книгах), за утопией или стремлением к ней следует антиутопия. Писатели, люди творчества, часто являются провидцами, способными видеть и анализировать такие явления и воплощать их на страницах своих новелл или предсказаний.

^[27] Jon Hesk, *Deception and Democracy in Classical Athens* (Cambridge, 2000).

^[28] См., например, объемную оценку с христианской точки зрения, Donaldson, Steve and Ron Cole-Turner (eds.). *Christian Perspective on Trashumanism and the Church: Chips in the Brain, Immortality, and the World of Tomorrow* (Palgrave, 2018).

Антиутопии включают такие элементы сценария как идеологии и промывание мозгов, подмену понятий, потакание плотским желаниям и принуждение к удовлетворению лишь примитивных умственных запросов, всеподчиняющую систему и, наконец, героя или несколько героев, которые выходят из псевдо-счастливого мира, возвращаются в свое сознание и смеют идти против злобной системы. Антиутопии не заканчиваются хорошо. Джон Дикарь из Хаксли впал в то, чего так страстно избегал, а затем повесился.

В христианских представлениях о будущем присутствуют свои элементы антиутопий. Апокалипсис Иоанна предлагает читателю мрачную символику, которая подразумевает не только зло, проявляемое в сильных мира сего, но и непрестанно связывается с технологиями будущего на момент появления образов. В таких описаниях мы находим ложь и тьму в действии (1 Фес. 4) и тоталитарные силы, у которых эти ложь и тьма состоят на службе. Библейский язык намного более поэтический, образный и метафоричный. Так тоталитарные силы иллюстрируются с помощью животных, уподобляются истуканам. Они также напрямую называются горделивыми и несправедливыми (фараон), т. е. подвергаются глубокой моральной оценке со стороны библейских авторов. Героями становятся не только ищущие истинного богопоклонения и мудрости святые и верные, но даже и представители власти (например, цари Навуходоносор и Кир).

И если говорить об отличиях, то современный жанр антиутопии глубоко человекоцентричен. Зло критикуется, будь то прямо или неявно, и констатируется, но вопрос о его появлении в людях не поднимается. Христианское же Повествование глубоко тео-центрично. Человек играют свою ответственную роль, но он никогда не одинок. Отсюда следует то, что Библия не предвидит подлинного антиутопического, безысходного и негативного сценария. Наоборот, то, что люди превращают в дистопию (плохое место), Бог возрождает к новой жизни (ср. пакибытие в Матф. 19:27; см . ниже)!

Разнообразие христианских нарративов

◆ В диспуте с иудеем Трифоном Иустин Мученик излагал такое положение дел: в то время как Иустин настаивал, что он держится Бога и Божьего учения касательно будущих событий, многие «истинные христиане думают иначе» (не уточняя как именно), а третьи, лишь называясь христианами и будучи безбожниками, и вовсе не верят в воскресение мертвых, а считают, что их души после смерти будут отнесены на небеса (Диалог с Трифоном, 80). Poleмические заметки Иустина, пусть даже и отчасти, отражают и современные расклады мнений в христианстве.^[29]

Вернемся ненадолго к нарративу. В библейских науках с 1970-х годов, а именно с исследования Ганса Фрея «Упадок библейского нарратива»

^[29] Alister E. McGrath, *A Brief History of Heaven* (Oxford: Blackwell, 2003); Том Райт, *Величайшая тайна Библии* (М.: Эксмо, 2018).

(1974), много внимания стало уделяться нарративу как историко-культурному явлению, так и литературному жанру. Библия стала также рассматриваться не только как источник для богословских постулатов или моральных указаний, но и как рассказ и историю о жизни и опыте людей, как парадигматическое повествование, ключевые аспекты которого христианин может испытывать также и на себе, как бы продолжая то самое повествование.

В этой дискуссии закрепилось и понятие «мета-нарратива», то есть всеохватной истории, которая не только обращает наше внимание в прошлое, но и преподает нам необходимые контуры будущего. Образы из этого мета-нарратива (подобно Символам веры) формируют нашу веру, идентичность и поведение, так как другие нарративы формируют других людей. И в этом контексте христианам необходимо должно внимание к элементам утопии и антиутопии, которые — к худу ли, или к добру — занимают некоторое место в нашем Повествовании.

Эта наша часто неосознанная потребность напоминает недоумение учеников Иисуса в разговоре с ним в Ев. от Матфея, глава 24. Они тогда, будучи в Иерусалиме перед праздником пасхи, с восторгом обратили внимание на храм — столп иудейского вероисповедания. Они жили нарративом храма как места, символизирующего, что Бог с ними. В ответ на их восторг Иисус сказал, что храм будет разрушен. И он преподавал им другой нарратив, на который они сознательно должны были настроиться: миссия (ст. 13-14) в отсутствии храма и централизованной религии, любовь (ст. 12), страдания (ст. 9), готовность к возвращению Иисуса и распознавание ложных нарративов (ст. 4-5, 23-26). «Будущий век» придет иначе, чем они думали. Так и ревизия нашего текущего нарратива может быть полезной и необходимой.

Эсхатология

◆ Не будет преувеличением сказать, что христиане всегда жили или, точнее, воспринимали текущие события в свете тех или иных эсхатологических представлений. А эсхатология всегда представляет собой какую-либо смесь негативных и позитивных ожиданий, часто уже начавших свое проявление в настоящем. Словами Ю. Мольтмана, мы различаем имманентное и трансцендентное, которые взаимно определяют друг друга.^[30] Люди склонны толковать настоящее (осязаемое, имманентное; например, признаки времен или условия жизни) так, что в этом они усматривают трансцендентное (то, что они лишь могут вообразить, но никогда не испытывали). Различные эсхатологические сценарии есть ничто иное как нарративы, укоренившиеся в сознании разных христианских течений или около-христианских направлений мысли и участвующие в формировании их убеждений и образа жизни.

^[30] J. Moltmann, *The Future of Creation* (Fortress Press, 2007), 1-2.

Так, ранние христиане ожидали скорейшего возвращения (парусии, явления) Христа, вплоть до периода их собственной жизни (напр. 1 Фес. 4:13-14). Ожидание явления Христа продолжалось во времена гонений в ранние века церкви (например, Иустин, Диалог, 28, 32, 40). Во времена церковного раскола в Московском государстве в XVII веке реформы патриарха Никона считались проявлением пришествия антихриста и предвозвещали скорый «конец света». А в XX веке евангельские верующие исповедовали диспенсационалистские убеждения о «восхищении церкви» и возвращении Христа в двух фазах (перед «великой скорбью» и после), и многие держатся этих взглядов и по сей день. Закрепить эти убеждения помогли известная среди христиан книжная и кинопродукция из серии «Оставленные». И бывает, что громкое геополитическое событие, или истолкование археологических находок, связанных с идеей о восстановлении храма в Иерусалиме, будоражит эсхатологический интерес вновь.

Поделясь одним разговором с приверженцем диспенсационализма, который выявил для меня присутствие утопических элементов и соответственно ошибочно направленной (хотя и искренней) надежды. Человек спросил меня, верю ли я, что Христос придет «за церковью» (популярное толкование явления Христа, напр. Матф. 24:40-41, 1 Фес. 4, 2 Фес. 1, и т. п.), чтобы избавить ее «от великой скорби» (см. напр. Матф. 24:21; Откр. 7:14). Я поделился своим мнением, что понимаю эти и другие стихи иначе (и здесь не место для изложения моих личных эсхатологических воззрений). Человек с удивлением заподозрил, каково-таки мое убеждение: неужели я верю, что церковь застанет «великую скорбь» и будет страдать со всем миром? Я ответил утвердительно, и что, по моему скромному мнению, например, 2 Фес. 2:3-15, подразумевает именно это. У каждого из нас, по разным причинам, сформировался свой частный нарратив о явлении Христа и роли церкви в этом событии, свое представление о ходе истории и смыслах относящихся к теме библейских текстов. Различие между элементами нарративов сформировали ответ моего собеседника: «Мне не нравится твоя теория. Я не хочу оставаться на великую скорбь!» Очевидно, что сложившиеся представления, воспринятый (наверняка, некритически) нарратив, влияет на толкования Библии, на формирование христианской надежды и отношения к текущей жизни и к миру. И тогда я привел два примера (из существующего великого множества), чтобы поставить под вопрос наивное представление моего друга. В одном случае старшеклассница исповедала веру во Христа перед озлобленным террористом в школьной бойне в США и пострадала. В другом случае в Южном Судане, по сообщению моего знакомого церковнослужителя, религиозные террористы напали на христианскую деревню и вырезали множество ее жителей.

Мой вопрос собеседнику был таков: разве не пришла скорбь в жизнь этих детей Божьих от врага душ человеческих и по позволению Бога, и разве нужно им теперь ждать «великой скорби»? Их час пробил и свою скорбь они претерпели независимо от предполагаемых раскладов событий в бу-

душем. Эсхатологию (грядущие события) они испытали на себе сегодня — как страшное гонение, так (в зависимости от личной эсхатологии) и стадию искупления и прославления. И текущий опыт, и качество нашего выбора и жизни, сформированного нашими эсхатологическими верованиями, намного важнее, чем теории о событийных схемах или неясные признаки или предсказания. Такой подход не сложно подтвердить учением Св. Писания (хотя здесь этому не может быть уделено достаточно времени). Например, Иисус сообщал своим учениками, что сатане будет нанесено поражение вскоре, в рамках их жизни (Луки 10:18; Иоан. 12:31). *Это* случилось, но не *так*, как они ожидали. Также Апостол Иоанн говорил, что антихрист уже в мире (1 Ин. 2:18; 4:3), а Павел говорил о «великой скорби» (2 Кор. 2:4; 8:2: πολὺς θλίψις) как текущем опыте христианской жизни и безотносительно некоего грядущего срока во время эсхатона. Последнее, как, предполагается, описано в Матфея 24:21 и Откр. 7:14 (θλίψις μέρους) и она (возможно искусственно, в диспенсационалистской схеме) определено как семилетняя. При этом такая же фраза используется и в Деян. 7:11 в отношении страданий от голода в Египте, без всякой эсхатологии.

Многие вопросы, о которых мы привыкли говорить, являются на самом деле спорными. И бывает, что пользы от таких разговоров немного, хотя темы эти упомянуты в Библии и довольно интересны. Мы можем сколько угодно говорить о хронологических и количественных различиях между событиями, но равное значение нам следует приписывать качеству жизни в настоящем, которое определяет Царство Божье, уже наступившее со дней воскресения Христа и пришествия Святого Духа.

Стих 15 текста, которого мы коснулись выше (2 Фес. 2:3-15), велит нам: «...стойте и держите предания, которым вы научены». Христианин должен понимать, в каком вероучительном окружении он вырос, что ему мог быть преподан лишь один нарратив, что ему стоит перепроверить этот нарратив и сравнить его с другими, что ему нужно уметь выделить главное, допустить спорное, не позволяя однако последнему произвести разделения. И еще: необходимо как можно чаще задаваться вопросом о прикладном значении эсхатологии в настоящем. И это, напомним, задача прежде всего проповедников и учителей — лидеров церкви, ответственных за здоровое кормление верующих.

Вышеприведенный пример обмена мнениями указывает также на *эскапизм*. Этим словом (от англ., escape) принято называть чаще всего неосознанный ментальный настрой на *избегание* не только ужасного развития событий, но и желание покинуть нынешний «бренный мир», обреченный, согласно некоторым богословиям, на уничтожение.^[31] Пусть и не в строгом соответствии с эволюцией литературных жанров — от утопий и контр-утопий к антиутопиям, но предсказываемая многими «великая скорбь»

^[31] Это социально-религиозное отношение рассматривается в таких трудах как А. Майцена, *Тайна беззакония* (СПб: Алейтейя, 1999); Юхименко, «Град Китеж».

легко ассоциируется с дистопией (место, где происходит антиутопия). Ведь время «великой скорби» (как правило, буквальные семь лет) связывается, прежде всего на популярном уровне в нашей современности, не только с правлением Антихриста, но и с технологическими развитием, т.е. попытками «улучшить жизнь». И эти попытки человечества лишь станут на службу антихристу и его слугам. Чего стоят только разговоры в последнее время о чипизации населения, о тотальном контроле над ним, и о кибер- и транс-гуманизме. И если это все зло, и оно будет судимо, то, разумеется, христианину хочется *избежать* таких событий. Тем более, что, как и в антиутопиях, люди, не бодрствуя и не рассматривая знамения времен критически, оказываются массово обманутыми, так и христианин может панически бояться незаметной деятельности «тайны беззакония» и попадания под ее влияние, когда уже будет слишком поздно что-то исправить. Хочется предупредить верующих от примитивных страхов, опирающихся на не более чем псевдо-библейские нарративы, рождающиеся в молве народной. Поиск верующим, а особенно пастырем и проповедником, более зрелых и хорошо обоснованных нарративов — задача несравненно более интересная и душеполезная, чем некритичное принятие повествований-суррогатов или даже лишь единственного унаследованного нарратива, в котором мы выросли.

Предложу здесь еще одну мысль, которая кажется мне важной. Христианину не стоит путать *футурологию* (от англ. future, «будущее»), как выстраивание порядка событий, с *эсхатологией*. Создавать схемы развития событий и даже спорить об их библейском обосновании является скорее футурологией, чем собственно эсхатологией, и может быть вполне интересным занятием. Однако, оно едва ли может повлиять на формирование качества нашей жизни сегодня.

Подчеркну еще раз, что нарратив будущего должен быть единым с нарративом прошлого и взаимодействовать с ним, и одновременно (!) формировать наш нарративный опыт в настоящем. Другими словами, мы должны так осознавать ключевые элементы будущего, чтобы сознательно верить, чувствовать и вести себя сегодня так, как будто бы ожидаемое будущее уже наступило. На сегодняшний день идея «инаугурированной эсхатологии» представляет собой здоровое понимание эсхатологии, включающее в себя как должный акцент на неоспоримых событиях, которые мы *еще* ожидаем, и присутствие Царства Божьего, в котором мы должны *уже* вести себя как его достойные граждане. Схемы и догмы могут лишь вызывать споры, но христианский нарратив способен дать уже сегодня энергию для посвящения, терпения в страданиях и воодушевления в поклонении.

Личный нарратив и вселенский

◆ Еще один аспект, о душе, что уходит к Богу в момент смерти. Многие христиане стремятся именно к этому и находят в этом радость. Они забывают, однако, что это (и только если это именно так и случится, ведь

споры продолжаются) лишь эпизод христианского нарратива, в то время как он должен указывать на главную надежду — на воскресение умерших верующих (1 Кор. 15; Фил. 3:11; 1 Фес. 4; Откр. 20:5-6).^[32] Отжить в греховном мире свое, словно в ссылке, отстрадать, остаться верным, и пойти на небеса — это лишь часть истории, которая может вдохновить к полноценной жизни «здесь и сейчас» лишь немногих.

Нам, вероятно, нужен серьезный пересмотр нашего нарратива, где мы индивидуально не просто стремимся «скоро быть там», где уже находятся те, кто «перешли к тем берегам». Нам стоит ценить не столько утопический элемент будущего наступления блаженства, и уж точно нам не стоит беспокоить себя страхом антиутопических сценариев. Более полноценным был бы нарратив, который включает в себя мир, в котором мы живем, где мы и призваны быть «блаженными» (напр., Матф. 5, Нагорная проповедь). Этот мир переживет «пакибытие» (Матф. 19:28) — восстановление или, иначе, воскресение, так же, как и ранее умершие последователи Христа. И во Христе мы стали, *есть* и будем *соправителями* Бога в Его чудном, хотя и несущем на себе бремя проклятия, творении. Эсхатология есть дело не только будущего, но и, прежде всего, настоящего.

Вместо заключения

◆ В том, что мотивы в разных направлениях культурной, религиозной и других видов мысли могут совпадать, не ничего удивительного или неправильного. Христиане не должны чураться того, что в их вероубеждениях, восприятии мира (и его будущего) и жизненной практике — одним словом, в их Повествовании (нарративе) — есть элементы утопизма и антиутопизма. Есть удачное аналитическое высказывание, источник которого не определен: «Мы боимся того, что не понимаем. То, чего мы боимся, мы считаем злом. То, что мы считаем злом, мы пытаемся контролировать. А если контролировать не удастся, мы нападаем на то». И в этом случае, если мы сторонимся того, чего не знаем и не понимаем, и что мы не можем взять себе на службу, то мы отрываем себя от окружающего мира и лишаем себя возможности найти с ним общий язык ради более успешного свидетельства ему.

Итак, мы можем усмотреть в наших христианских нарративах, например, утопического характера мечты о скорейшем расставании с миром, в котором живем (эскапизм). «Там будет блаженство и радость!» — утешаем себя мы. И это правда, но только отчасти. Признаемся, что *избегание* — в контексте ожидания последних событий — это показатель неприятия настоящего, то есть того самого мира, который «возлюбил Бог» (Ин. 3:16). А неприятие есть *недостаток любви* и отказ участвовать в Божьих планах именно в нашем мире, в текущей жизни. При этом многие другие христиане по понятным причинам не воспринимают всерьез возможность

^[32] См. Том Райт, *Величайшая тайна Библии*.

вышеупомянутого «избегания» или не желают долго ждать неопределенного блаженства. Мы абсорбируем окружающий стиль жизни, желая воспользоваться уже сейчас, часто беспечно, достижениями прогресса, и погружаясь в антиутопический сценарий. Технологии, состоятельность и аморальные формы гедонизма могут незаметно овладеть нами, и часто овладевают, так, что уже без фантастических рассказов и ожиданий мрачного будущего, мы уже в текущей жизни испытываем на себе воздействие «тайны беззакония», антихристовой лжи (2 Фес. 2:7, 9-10).

Но здесь важно подчеркнуть отличия библейского Повествования от утопической мысли. В первую очередь, *вместо избегания*, христианин смело участвует в миссии Бога (*missio Dei*), воспринимая этот мир как объект своей любви и служения. Важно ожидать славного явления Христа, но это важно в большей степени потому, что Христос полноценно развернет Свое правление, оправдает верных и совершит суд над мятежниками. Однако, это лишь часть нашего Нарратива. Серьезное к нему отношение предполагает глубоко осознанное посвящение «этому миру», текущей жизни, где мы, искупленные грешники, призваны отражать образ Божий (Кол. 3:10) и участвовать в задаче утверждения Его Царства сегодня, там, где мы есть (Рим. 5:17).

Церковные учителя и миссия церкви

◆ Труднее всего бывает дать оценку деятельности служителей в прошлом и настоящем, и рекомендации на будущее. Мы можем воздать Богу хвалу за верность служителей в прошлом (Евр. 13:7). Но это не значит, что перед нами не стоят новые вызовы, области познания, необходимость обновленного понимания Библии и применения ее истин, в т. ч. и ключевых аспектов библейского нарратива. От церковных учителей в первую очередь требуется ответственное изучение библейского Повествования, которое мы продолжаем и по примеру которого мы живем. Учить, консультировать и проповедовать так, что приглашать верующих быть сопричастными к библейскому нарративу. Мы не просто учим поступать морально (как могут и атеисты, и представители других религий) и не только желаем быть готовыми выстоять в час испытания нашей веры. Апостол Павел призывает верующих «к богатству полноценного понимания и к способности распознать тайну Бога, то есть Христа» (Кол. 2:2; перевод В.Л.). А это значит глубоко проникнуться в его спасительные дела (1:12-23), разделить его судьбу (2:9-15; 3:1-4) и отражать его характер перед окружающими (4:5-6).

Поль Рикер считал, что библейская вера обладает, по сути вещей, именно нарративным характером.^[33] А нарратив, как память и целенаправленный пересказ, обладает религиозной функцией. Осознавать фактор нарративного содержания и посылы Библии крайне важно, так как он может помочь отсеять второстепенное (к примеру, культурные особенности поведе-

^[33] Ricoeur, «History», 214.

ния, политические разногласия, прогнозирование хода будущих событий) и сосредоточиться на главном — на опыте познания Бога и сотрудничества с Ним в настоящем. Многие верующие, к счастью, уже делают это, но многие другие еще нуждаются в зрелом наставлении. При этом, безусловно, встреча с Богом посредством Христа в Пришествие Его остается нашей мечтой (1 Иоан. 2:28-3:2; 1 Тим. 6:14-15). Но мы не знаем когда это будет.

Признаемся, что **избегание** — в контексте ожидания последних событий — это показатель неприятия настоящего, то есть того самого мира, который «возлюбил Бог» (Ин. 3:16). А неприятие есть **недостаток любви** и отказ участвовать в Божьих планах именно в нашем мире, в текущей жизни. Здесь важно подчеркнуть отличия библейского Повествования от утопической мысли. В первую очередь, **вместо избегания**, христианин смело участвует в миссии Бога (*missio Dei*), воспринимая этот мир как объект своей **любви и служения**.

Богословское мышление в категориях библейского нарратива, многие аспекты которого мы переживаем на своем опыте, должно создавать и формировать, кроме прочего, еще и наше миссиональное отношение к жизни. Либеральный постмиллениализм мечтал об утопии, о самостоятельном человеческом созидании Царства Божьего через прогресс. Утописты (в широком смысле слова), упомянутые ранее (Томас Мюнцер, или Шимон Бар-Кохба), стремились установить царство Божие силой. Другая крайность — эскапизм, обсужденный выше, который минимизирует миссию. Вместо наивного гуманизма, насилия и отстраненности, Библия приглашает нас погрузиться в нарратив, рассказ о том, как люди, в партнерстве с Троициным Богом, заботятся о мире, который возлюбил Бог (Ин. 3:16), царствуют в нем (Рим. 5:17, 21), несмотря на оппозицию, и стремятся обновить его (2 Кор. 2:17; Рим. 8:18-23). Они готовы к славному пришествию Христа в любой день, но для них возможность жить и учиться управлять нашим миром — не меньшая привилегия, чем разделить со Спасителем Его славу (1 Фес. 5:9-10). Апостол Павел называет себя не менее как «сороботниками», сотрудниками (*συνεργός*) Бога. А в своем труде проповеди евангелия он делал то, что нес дальше дело самого Христа, повторяя Его судьбу (Кол. 1:24-25; Фил. 3:10).

История Библии продолжается. Живи ей и в ней. Расскажи о ней.

Библиография

- Андреева, В. А. *Литературный нарратив: зона формирования смыслов*. Казань: Бук, 2019.
Арапов, А. В. «Нарративные подходы к библейской герменевтике». *Вестник ВГУ*, 2019.
Брэдбери, Рэй. *451 по Фаренгейту*. Н.д., 1949.
Визель, Эли. *Ворота леса*. Н.д., 1986.

- Герт, А. «Столыпинская утопия в контексте истории». <http://www.vestnik.com/issues/97/0429/win/gert.htm>, .
- Глуховский, Дмитрий. *Город будущего*. М.: АСТ, 2013.
- Замятин, Е. *Мы*. М.: АСТ, 2008.
- Ланье, Джарон. *Кому принадлежит будущее? Мир, где за информацию будут платить вам*. Эскмо, 2013.
- Майцена, А. *Тайна беззакония*. СПб: Алейтейя, 1999.
- Ф. Э. Мэньюэль и Фр. П. Мэньюэль. «Утопическое мышление в западном мире» в: Чаликова В. А. (сост.), *Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы*, М.: Прогресс, 1991.
- Оруэлл, Джордж. 1984. М.: АСТ, 2014.
- Паскаль, Блез. *Мысли*. М.: Издательство им. Сабашниковых, 1995.
- Платон. *Государство*. Н.д.
- Райт, Том. *Величайшая тайна Библии*. М.: Эксмо, 2018.
- Рейпер, В. и Л. Смит. *Путешествие по миру мысли*. Свет на Востоке, 2000.
- Свентоховский, А. *История утопий от античности до конца XIX века*. Изд. 2-е; URSS, 2012.
- Уэллс, Герберт. *Люди как боги*. Н.д.
- Хаксли, Уолдос. *О дивный новый мир*. AST Publishers, 2016.
- Харари, Юваль. *Ното Deus: краткая история завтрашнего дня*. Синдбад, 2018.
- _____. *Sapiense: краткая история человечества*. Синдбад, 2017.
- М. А. Черняк. «Страхи будущего в современных антиутопиях». *Universum: Вестник Герценовского университета*, 2006. Стр. 54-55.
- Шестаков, В. П. *Эсхатология и утопия*. М.: Владос, 1995.
- Штекли, А. Э. «Город солнца»: *Утопия и наука*. М.: Наука, 1978.
- Юхименко, Е. М. «Град Китеж» русского старообрядчества. Стр. 105-113 в *Утопия и утопическое в славянском мире*, под ред. Л. А. Софроновой. М.: Издатель Степаненко, 2002.
- Литература на английском языке*
- Beaumont, Matthew. "Reinterpreting Oscar Wilde's Concept of Utopia: 'The Soul of Man Under Socialism'." *Utopian Studies* 15.1 (2004): 13-29
- Chomsky, Noam. *Necessary Illusions: Thought Control in Democratic Societies*. Toronto, Anansi, 2003.
- Donaldson, Steve and Ron Cole-Turner (eds.). *Christian Perspective on Transhumanism and the Church: Chips in the Brain, Immortality, and the World of Tomorrow*. Palgrave, 2018.
- Gomel, Elana and Vered Karti Shemtov. "A Sense of No Ending: Contemporary Literature and the Refusal to Write the Future Introduction." *Dibur* 6 (2018): 43-46.
- Gottschall, Jonathan. *The Storytelling Animal: How Stories Make Us Human*. Boston: Houghton, 2012.
- Hesk, Jon. *Deception and Democracy in Classical Athens*. Cambridge, 2000.
- McGrath, Alister E. *A Brief History of Heaven*. Oxford: Blackwell, 2003.
- Moltmann, Jürgen. *The Future of Creation*. Minneapolis: Fortress Press, 2007.
- _____. *Theology of Hope: On the Ground and the Implications of a Christian Eschatology*. Minneapolis: Fortress Press, 1993.
- Nash, David. "The Failed and Postponed Millennium." *The Journal of Religious History* 24 (2000): 70-186.
- Polak, Brad. *Images of the Future*. Elsevier Scientific Publishing, 1973.
- Ricoeur, Paul. "History as Narrative and Practice." *Philosophy Today* 29 (1985): 213-222.
- Smith, Christian. *Moral, Believing Animals: Human Personhood and Culture*. Oxford, 2003.
- Stroup, George W. *The Promise of Narrative Theology*. Atlanta: John Knox Press, 1981.
- Vanhooser, Kevin J. *The Drama of Doctrine: A Canonical-Linguistic Approach to Christian Theology*. Louisville: WJK, 2005.
- Wild, Oscar. "The Soul of Man Unders Socialism." <https://www.marxists.org/reference/archive/wilde-oscar/soul-man/>.